

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-2-137-151

УДК 81:39-81'373

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

М.Л. Лаптева

Федеральное государственное общеобразовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет»
ул. Татищева, 20а, Астрахань, Россия, 414056

Актуальность статьи определяется недостаточной изученностью на современном этапе развития лингвистической мысли инокультурных образов, репрезентативных для языкового осознания носителей русского языка. Цель статьи — определить лингвокультурологический потенциал различных групп инокультурных фразеологических единиц и провести кросскультурный анализ восприятия «чужого» во фразеологическом фрагменте национальной языковой картины мира. В качестве материала исследования выступают инокультурные фразеологические единицы, отличающиеся на уровне фразеологической семантики когнитивно-дискурсивной связью с инокультурной действительностью и содержащие на уровне формальной структуры «чужеродный» компонент (*пролететь как фанера над Парижем, в Греции все есть, Восток — дело тонкое* и др.). Однако представленный во фразеографических источниках материал с точки зрения активности и частотности употребления не всегда соответствует реальной коммуникативно-прагматической ситуации. Проведенный кросскультурный анализ позволил выявить тенденции аккультурации «чужого» в русском языковом сознании. Фразеологическая вербализация тех или иных культурных образов зависит от степени ценности и значимости данного образа для картины мира членов лингвокультурного сообщества. Не все инокультурные образы адекватно воспринимаются носителями русского языка, а потому не всегда отмечается активная реализация в речи некоторых кодифицированных фразеологических единиц.

Ключевые слова: инокультурная фразеологическая единица, инокультурный образ, кросскультурный анализ, категория «Свое / Чужое»

Введение

Актуальность статьи определяется недостаточной изученностью на современном этапе развития лингвистической мысли инокультурных образов, репрезентативных для языкового осознания носителей русского языка, в то время как наблюдаются тенденции активного взаимодействия различных национальных лингвокультур, что, в свою очередь, стимулирует проведение исследований по выявлению особенностей языкового сознания, обнаружению национально-специфических черт в процессе концептуализации и категоризации человеческого опыта постижения окружающей действительности.

Несмотря на то что история вопроса, касающегося языка как средства выражения культуры, берет начало еще в трудах Я. Гримма и В. Гримма, идеи которых развивались Й.Л. Вайсгербером, В. фон Гумбольдтом, Э. Сепиром, а также отечественными лингвистами А.Н. Афанасьевым, Ф.И. Буслаевым, А.А. Потемной и др., до сих пор находятся неизученные грани, которые заставляют исследователей в очередной раз обращаться к данной проблеме. Интерес к исследованию феномена «язык и культура» объясняется стремлением проникнуть в тайну языкового сознания и показать языковую систему в целом и фразеологическую в частности в виде проекции экстралингвистической реальности.

В лингвистике XXI века язык по-прежнему воспринимается в качестве специфического способа существования культуры. Многочисленные исследования взаимосвязи языка и культуры нации позволяют определить основную бинарную оппозицию мировой и русской культуры — «Свое / Чужое» — как языковой феномен.

Рассмотрение категории «Свое / Чужое», понимаемой автором как «национально специфическое / инокультурное», безусловно, находится в плоскости интересов современной лингвистики, где давно произошла переориентация с формально-грамматического подхода на антропоцентрический. Обозначенная категория является фундаментальным противопоставлением, бытующим как в сознании отдельного члена лингвокультурного сообщества, так и в национальном сознании, и составляет часть языковой картины мира посредством вербализации многочисленными языковыми единицами, в том числе знаками косвенно-производной номинации.

Лингвистическое осмысление оппозиции «Свое / Чужое» в предшествующих исследованиях (М.М. Бахтина [1], В.В. Красных [2], А.Б. Пеньковского [3], А.Н. Серебренниковой [4], М.Н. Петроченко [5], И.С. Выходцевой [6], М.Х. Рахимбергеновой [7], А.Ю. Скрыльниковой [8] и др.) позволило выявить семантические особенности свойственности / чуждости, языковые средства ее репрезентации в различных формах речи, категориальную и лингвокультурологическую сущность данной оппозиции; определить ее роль в межъязыковой (А.А. Брагина [9]) и межкультурной коммуникации (В.Б. Кашкин [10], Л.И. Гришаева и Л.В. Цурикова [11]). Следовательно, настоящая статья оказывается включенной в круг современных концепций описания фразеологического материала на стыке когнитивной лингвокультурологии и этнолингвистики.

Авторитетные работы отечественных и зарубежных фразеологов (Н.Ф. Алевиренко, Д.О. Добровольского, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, З.Д. Поповой, В.Н. Телия, Стефки Георгиевой, Wojciech Chlebda, Željka Fink, Harry Walter др.) позволили наметить проблемы дальнейшего изучения фразеологических единиц как единиц, репрезентирующих «социальную и собственно лингвистическую информацию в единстве семиологических, ситуативных и социально-культурных факторов» [12]. Так, лакунарными зонами фразеологических исследований по-прежнему остаются проблемы: 1) логического обоснования процесса трансляции элементов инокультурного фонда в знаки косвенно-производной номинации русского языка; 2) реконструкции диахронии инокультурных образов во фразеоло-

логическом корпусе языка; 3) обоснования критерия культурно значимого отбора информации для фразеологического кодирования.

Изучение роли фразеологии в формировании языкового сознания, языкового образа мира и концептосферы того или иного языка определило актуальность и необходимость рассмотрения культурно маркированных как «национально специфическое» или «инокультурное» компонентов фразеологического фрагмента национальной языковой картины мира. При этом учитываются в качестве взаимодополняющих такие параметры, как семантический, этимологический, лингвокультурологический, когнитивный и дискурсивный.

Практическое значение статьи связано с возможностью использования полученных результатов в вузовских курсах когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики, теории международной и межкультурной коммуникации, контрастивной лингвистики, фразеологии, а также в практическом курсе преподавания русского языка как иностранного и как неродного. Выработанные методики анализа могут быть применимы в общей фразеологии (в частности, в практике составления лингвокультурологических и когнитивно ориентированных словарей).

Цель

Целью статьи является определение лингвокультурологического потенциала различных групп инокультурных фразеологических единиц и проведение кросс-культурного анализа восприятия «чужого» во фразеологическом фрагменте национальной языковой картины мира.

Косвенно-производные знаки могут рассматриваться в аспекте *кросскультурности*, т.е. с учетом синтеза двух наук — лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. «Лингвокультурология — это наука, которая занимается проблемами взаимосвязи языка и культуры, становлением языковой картины мира. Однако она не занимается вопросами взаимовлияния и взаимопроникновения *различных* языков и культур. Межкультурная коммуникация — это наука, определяющая процессы взаимодействия разных культур и этносов в условиях поликультурного мира. Однако она не затрагивает вопроса их *взаимовлияния и взаимопроникновения*» [13]. Следовательно, обогащать языковую культуру носителя всем этническим спектром отражения мира в языке призвана *кросскультурность*, которая оперирует категориями общего и различного.

Материалы и методы

В качестве материала исследования автором выбраны **инокультурные фразеологические единицы**, под которыми понимаются единицы косвенно-производной номинации, отличающиеся на уровне фразеологической семантики когнитивно-дискурсивной связью с инокультурной действительностью и содержащие на уровне формальной структуры «чужеродный» компонент. Например, *британский лев* (публ.) — ‘о Великобритании, о британской нации’. Предположительно, впервые в переносном значении это выражение использовано в поэме Д. Драйдена «Лань и барс» (1787). Лев с 1603 года является геральдическим символом британской

монархии, национальной эмблемой Великобритании [14]. Фразеологическая единица есть репрезентант инокультурного концепта «Англия». Языковая память носителя русского языка поддерживается знанием английской национальной символики.

Исследовательский фразеологический материал показывает, что критерий избирательности объектов мыслительного отражения и их языковой репрезентации играет большую роль в процессе фразеомобразования, например, единиц с топонимическим компонентом. К тому же, представленный во фразеографических источниках материал с точки зрения активности и частотности употребления не всегда соответствует реальной коммуникативно-прагматической ситуации. Данное предположение можно подтвердить результатами проведенного автором социолингвистического эксперимента.

Цели проверки: 1) определить набор фразеологических единиц, которые служат реактивными репликами носителей русского языка на стимул — инокультурный образ; 2) выявить те из них, которые отличаются устойчивостью; 3) сравнить полученные единицы с фразеологическими единицами, отраженными во фразеологических словарях. Испытуемыми стали 300 студентов филологического, исторического и юридического факультетов Астраханского государственного университета, получившие следующее задание: *Вспомните идиомы, крылатые выражения, афоризмы со словами Рио-де-Жанейро, Чикаго, Нью-Йорк, Париж, Рим, Греция, Польша, Европа, Восток, Запад*. Уточним, что эксперимент носил частичный характер в плане отбора языкового материала, поскольку инокультурные фразеологические единицы составляют достаточно емкий класс единиц косвенно-производной номинации.

Результаты

Проведенный эксперимент выявил, что успешное протекание процесса восприятия инокультурных образов в языковом сознании носителей русского языка определяет фразеологическую репрезентацию одних образов и неактуальность других.

Таблица

**Результаты социолингвистического эксперимента
(The results of the sociolinguistic experiment)**

Инокультурный топонимический образ	Кодифицированные фразеологические единицы	Актуализация реципиентами фразеологических единиц	Кол-во употреблений	% употреблений
Рио-де-Жанейро	<i>Это не Рио-де-Жанейро</i>	Отсутствует	0	0
Чикаго	<i>Ты не в Чикаго, моя дорогая</i>	Отсутствует	0	0
Нью-Йорк	<i>Нью-Йорк — город контрастов</i>	+	3	1
Париж	<i>Увидеть Париж и умереть</i>	+	75	25
	<i>Пролететь как фанера над Парижем</i>	+	39	13
	<i>Париж стоит мессы (обедни)</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Хорош Париж, а живет и Курмыш</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Чрево Парижа</i>	Отсутствует	0	0
Рим	<i>Все дороги ведут в Рим</i>	+	144	48
	<i>Москва — третий Рим</i>	+	42	14

Окончание таблицы

Инокультурный топонимический образ	Кодифицированные фразеологические единицы	Актуализация реципиентами фразеологических единиц	Кол-во употреблений	% употреблений
Рим	<i>Быть в Риме и не видеть Папы</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Наши предки Рим спасли</i>	Отсутствует	0	0
Греция	<i>В Греции все есть</i>	+	51	17
	<i>В греческом зале</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Греческий огонь</i>	Отсутствует	0	0
Польша	<i>Дела как в Польше</i>	+	3	1
Европа	<i>Окно в Европу</i>	+	15	5
	<i>Галопом по Европам</i>	+	6	2
	<i>Европа может подождать</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Священные камни Европы</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Жандарм Европы</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Мягкое подбрюшье Европы</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Пустите Дуньку в Европу</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Пол-Европы прошагали, полземли</i>	Отсутствует	0	0
Восток	<i>Восток — дело тонкое</i>	+	126	42
Запад	<i>Гнилой Запад</i>	Отсутствует	0	0
	<i>Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им никогда не сойтись</i>	Отсутствует	0	0

В процессе межкультурного диалога фразеологические единицы, функционируя для выражения определенных интенций, характеризуют процесс вхождения национальной языковой культуры в единое лингвокультурное пространство.

Из бесконечного множества потенциально существующих топонимических образов вербализуются только те, что способны заполнить речемыслительные лакуны, занять определенное звено в ценностно-смысловом пространстве данного этноязыкового сообщества и могут быть использованы в определенных актах номинации.

В результате эксперимента получены ответы реципиентов (таблица) и данные, которые зафиксированы во фразеологических словарях.

Обсуждение

Эксперимент показал, что из десяти предложенных испытуемым стимулов (инокультурных образов) два (*Рио-де-Жанейро* и *Чикаго*) не получили фразеологической объективации. Тем не менее, в Большом словаре крылатых слов (В.П. Берков, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулешкова, 2000 [15]) зафиксированы единицы *это не Рио-де-Жанейро* и *ты не в Чикаго, моя дорогая*. Когнитивным основанием формирования фразеологического значения данных выражений, как говорилось ранее, становится своеобразный «идеализированный» западный топонимический образ.

Например, фразеологическая единица *ты не в Чикаго, моя дорогая* функционирует в шутливо-ироническом контексте в качестве предложения умерить свои требования, считаться с реальностью, в которой далеко не все желания (даже разумные, оправданные) могут быть удовлетворены. Образ географически дале-

кого от России, «чужого» Чикаго выступает символом места, где возможно исполнение всех желаний. Такое восприятие образа Чикаго объясняется на уровне когнитивно-дискурсивного анализа формирования значения фразеологической единицы. Источником появления единицы *ты не в Чикаго, моя дорогая* является дискурсивное пространство советского художественного текста С.Я. Маршака «Мистер Твистер» (1933), в котором американский миллионер Твистер приезжает со своей дочерью в советский Ленинград. В данной ситуации происходит столкновение «своей» (русской, советской) действительности с «чужой» (американской). Первоначально фраза *ты не в Чикаго, моя дорогая* принадлежит Твистеру и отражает его видение советского культурного пространства. Однако, получив широкое распространение, выражение потенциально может использоваться в любой речевой ситуации, где необходимо указать на несовпадение желаний с возможностями. Например: — *Может, мы с моим коллегой что-то напутали в маршруте? Ехали в российский город Н-ск, а попали в Чикаго времен гангстерских войн?...* — *Да, моя дорогая, ты не в Чикаго,* — медленным тоном сказал он. — *Ты в аккурат там, где ты сейчас находишься...аналогию можешь продолжить сама, грамотная наша...* (С.В. Соболев. Титановая гильотина — НКРЯ).

На остальные стимулы реакции были получены, тем не менее, круг фразеологических единиц, которые актуализировались в сознании носителей языка, намного уже того, который мы имеем в результате выборки из фразеологических словарей. Наиболее употребительными фразеологическими единицами являются следующие:

Все дороги ведут в Рим (назвали 144 реципиента из 300);

Восток — дело тонкое (126 употреблений);

увидеть Париж и умереть (75 употреблений).

Немного ниже показатели употребительности у следующих фразеологических единиц:

в Греции все есть (51 употребление);

Москва — третий Рим (42 употребления),

пролететь как фанера над Парижем (39 употреблений).

Анализируя лингвокультурологическую основу фразеологической единицы *пролететь как фанера над Парижем*, необходимо учитывать, что принято считать: юмор и находчивость — неотъемлемые черты французского национального характера. Умение привлечь внимание, убедить либо дать отпор основывается у французов не столько на солидности и основательности, сколько на остроумии и юморе. Так, ни без доли иронии была создана ФЕ *пролететь как фанера над Парижем*, семантика которой определяется как ‘оказаться не у дел, потерпеть неудачу, провалиться’.

Стоит отметить, что попытки установить этимологию единицы *пролететь как фанера над Парижем* приводят к противоречивости версий. Нельзя назвать точную дату возникновения единицы: одни исследователи называют 20-е годы XX века, другие указывают, что широкую известность в русском языке данная единица получила позднее — в 60—70-е годы XX столетия. На сегодняшний день данное выражение является загадкой с историко-этимологической точки зрения.

В сети Интернет часто встречается история о том, что в 1908 году французский авиатор Огюст Фаньер, совершая показательный полет над Парижем, столкнулся с Эйфелевой башней и погиб. После этого инцидента меньшевик Юлий Мартов сделал заметку в газете «Искра» о том, что «царский режим летит к своей гибели так же быстро, как господин Фаньер над Парижем». Позднее фонетика оборота была невольно искажена массами, что привело к современному выражению ***пролететь как фанера над Парижем***.

Вторая версия происхождения этой единицы также связана со случаем катастрофы, однако она не привязана к имени пилота, а отсылает к названию дирижабля — «Фленер». На взгляд автора, существует основание поставить достоверность данной версии под сомнение по причине недостаточной схожести фонетического облика слов «фленер» и «фанера».

Другие источники говорят, что фамилией одного из первых французских авиаторов была Фонье. Именно его полет на картонном аппарате, ставший сенсацией для парижан, послужил поводом для создания этого выражения, а в дальнейшем и название самого аппарата — «Фанера» — дало наименование материалу, из которого он был сделан: слоеный плотный деревянный картон стали называть фанерой.

Перечисленные версии, несмотря на частую цитируемость, не имеют основательного подтверждения и, вероятно, должны рассматриваться как народная этимология.

Единичная «узнаваемость» у следующих единиц:

(прорубить) окно в Европу (15 употреблений);

галопом по Европам (6 употреблений);

дела как в Польше (3 употребления);

Нью-Йорк — город контрастов (3 употребления).

Из общего количества инокультурных образов значимость для русского лингвокультурного пространства приобретают *Рим*, *Париж* и *Европа*, поскольку только на данные стимулы было отмечено более одной реакции. Абсолютно неизвестными для испытуемых оказались 18 фразеологических единиц.

В ходе лингвистического эксперимента автором зафиксированы единицы, не имеющие фразеографической закреплённости, но, возможно, по степени устойчивости, воспроизводимости и идиоматичности способные пополнить фразеологический корпус. Это касается, прежде всего, выражения ***дикий Запад***, которое было названо 36 реципиентами, в то время как кодифицированная фразеологическая единица ***гнилой Запад*** не была отмечена ни одним реципиентом. Этот факт, на взгляд автора, имеет достаточно логичное объяснение. Фразеологических единиц ***гнилой Запад*** указывает на разницу в развитии России и западных стран, что было характерно для советского сознания. Однако для современной российской действительности такой взгляд на отношения между Россией и Западом нельзя признать актуальным, отсюда и отсутствие функционирования рассматриваемой единицы, особенно в речи представителей молодого поколения, а испытуемые — это студенческая аудитория. Наоборот, репрезентативность выражения ***дикий Запад*** связана со знанием американских фильмов в жанре вестерн, которые рассказывают о реалиях Дикого Запада.

Невостребованными на современном этапе развития языка оказываются фразеологических единицы, появившиеся в эпоху, когда взаимовлияние западной и русской культур имело иную идеологическую основу. Словарная статья подразделяется на три основные части.

Первая часть содержит словарную дефиницию фраземы и ее стилистическую квалификацию.

Вторая часть включает новый иллюстративный материал, показывающий функционирование фраземы в современном публицистическом или художественном дискурсе, в интернет-коммуникации. Иллюстративная часть раскрывает типовую сочетаемость фраземы, речевое варьирование ее структуры и смыслового содержания — знак ¶.

Третья часть содержит взаимодополняющие рубрики: (1) указывает на дискурсивное пространство, которое явилось когнитивным стимулом возникновения косвенно-производной номинации, — знак ☰; (2) называет лежащий в основе фразеологического значения концепт — знак ↗; (3) определяет ассоциативно-смысловые средства сохранения данной фраземы в активной зоне языкового сознания — знак ☸.

К таким единицам относятся выражения с компонентом *Европа*:¹

Жандарм Европы Характеристика российского царизма.

¶ 1) *Русская интеллигенция век рыдала, что бесчеловечный деспот Николай Палкин способствовал подавлению европейских революций 1848 года. За это Россию презрительно обзывали «жандарм Европы». Мол, передовые народы стремились к свободе и демократии, а реакционный царизм стоял на пути исторического прогресса. Это нам и в советской школе преподавали* (<http://pioneer-lj.livejournal.com>).

2) *Действовать, таким образом, польские власти решились под угрозой Кремля ввести в Польшу войска, если они не решатся или не смогут сами разгромить «Солидарность». На польской границе заблаговременно была сконцентрирована огромная советская армия. Россия вновь, как и в XIX веке, выступала в качестве «жандарма Европы», в данном периоде — Европы восточной* (<http://vestnikcivitas.ru>).

☰ Дискурсивное пространство зарубежной литературы (иностранной публицистики).

Выражение пришло в русский язык из западноевропейской прессы, писавшей о русском царизме в середине XIX века.

↗ Концепт «Россия».

☸ Языковая память поддерживается знанием истории.

Мягкое подбрюшье Европы Уязвимое место.

¶ 1) *Так почему же в Гааге возник такой обвинительный перекоп в «сербскую» сторону? Неужели получается, что в гражданскую войну только сербы творили бесчинства, а хорваты, боснийцы и албанцы — за исключением отдельных демонических личностей — были ангелами во плоти? Разумеется, нет! Просто Запад заинтересован «топить» сербов и выгораживать других участников последних балканских войн*

¹ Далее приводятся словарные материалы «Чужое» в «Своем» фразеологическом пространстве // Лаптева М.Л. «Свое» и «Чужое» в когнитивно-дискурсивном пространстве русской фраземики: дисс. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2013.

по чисто геополитическим причинам. Еще Уинстон Черчилль мечтал о том, чтобы Балканы — это «**мягкое подбрюшье Европы**» — стали прозападными, несмотря на традиционно прорусские настроения населявших их славян (<http://nvspb.ru>).

2) Одним из главных козырей оппозиции в этой кампании стала как раз поддержка правительством Станишева российско-болгарских проектов в сфере энергетики, о которых правые уже не первый год говорят как о саботаже единой энергетической политики Евросоюза и о средстве скрытого проникновения влияния «русской империи» в **мягкое подбрюшье Европы** (<http://www.regnum.ru>).

📖 Дискурсивное пространство речи зарубежных исторических личностей.

Выражение сложилось на основе ряда заявлений премьер-министра Великобритании У. Черчилля. В выступлении в палате общин (11 ноября 1942) У. Черчилль назвал Балканы «подбрюшьем держав Оси» (оси «Берлин-Рим»). Эпитет *мягкое* прозвучал в беседе У. Черчилля с И.В. Сталиным в Москве (август 1942), где британский лидер сказал: «Если к концу года мы сможем овладеть Северной Африкой, мы могли бы угрожать брюху гитлеровской Европы. <...> Мы намереваемся атаковать мягкое брюхо крокодила...». Перевод с англ. *Soft underbelly of Europe*.

↪ Концепт «Уязвимость».

📖 Устойчивое словосочетание **мягкое подбрюшье Европы** окончательно сложилось в материалах британских публицистов. Предполагают, что впервые его употребил английский журналист Джеффри Краудер [16].

Пустите Дуньку в Европу! Восторженное отношение к внешней стороне жизни западных стран.

📌 1) «**Пустите Дуньку в Европу!**» Россия де-факто осталась на карте мира в гордом одиночестве, растеряв всех своих союзников не только из числа стран, формировавших социалистический лагерь, оплачиваемых режимов в Африке, на Ближнем Востоке, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, но и тех, кто некогда входил в состав супердержавы под названием СССР. В общем: «**Пустите Дуньку в Европу!**» А так ли нам уж нужна эта Европа? (<http://glavnoe.ua>).

2) «Венгрия. Идём с женой по одному городку. Чистота идеальная. Вдруг слышу ласковый мат. Идут в обнимку парень с девицей. Открывают об забор бутылку пива, засосали из горла и швырнули в кусты. И ещё множество подобных случаев в кафе, в магазинах. В общем, **пустили Дуньку в Европу!**» (<http://www.kp.ru>).

📖 Дискурсивное пространство русской литературы.

В пьесе русского советского писателя К.А. Тренева «Любовь Яровая» (1926) эту реплику произносит профессор в отношении бегущих от Советов на Запад мещан.

↪ Концепт «Европа».

📖 Языковая память поддерживается знанием пьесы К.А. Тренева [16].

Европа может подождать (шутл. -ирон.) Предложение не волноваться по поводу опоздания куда-либо, поскольку опаздывающий задерживается по важному делу.

📌 1) — **Европа может подождать!** — в полный голос рявкнула девчонка, и Малфой, вздрогнув от неожиданности, уронил в свой котел пакетик с пыльцой одуванчика. — Два, один, стоп (<http://www.snapetales.com>).

2) *Руководство команды в лице Мизрахи, Федермана и Каца, являющееся наглядной иллюстрацией к басне Крылова о лебеде, раке и щуке, третий сезон подряд выбирает в качестве тренера фигуру компромиссную, и лишь с одной целью — удержать позиции безусловного лидера в местном чемпионате. А Европа? Европа может подождать* (<http://www.israelbasket.com>).

3) «Как вы можете думать о любви, когда речь идёт о судьбе всей Европы?» — спрашивает Болингброк. Абилайль нетерпеливо его перебивает: «**Европа может подождать.**» Мы сегодня занимаем позицию молодой неопытной девушки: **Европа может подождать.** Конечно, может. И, честно говоря, что ей Гекуба? Это же наш выбор. Нам с этим жить (<http://pl.com.ua>).

📖 Дискурсивное пространство речи русских исторических деятелей.

Автор выражения — российский император Александр III Миротворец. Однажды, когда Александр Александрович находился в своей загородной резиденции, ему доложили, что в Петербурге аудиенции ожидают иностранные послы. На что он, желая подчеркнуть вес России в мировых делах, сказал: «Когда русский царь удит рыбу, **Европа может подождать.**»

↔ Концепт «Время».

📖 Языковая память поддерживается знанием исторического факта [16].

Священные камни Европы Об исторических местах Европы.

📌 1) *Очень интересны замки Тоса-дель-Мар, древняя крепость XII века, замки в самой Барселоне, — удивительные строения, ничего подобного я раньше никогда не видел, хотя Генуэзская крепость в Судаке на территории России — наиболее интересное сооружение. Но испанцы (и вообще европейцы) умеют гораздо лучше, чем мы, сохранять подобные памятники. И для меня было важно увидеть, как это всё можно сохранить в почти первозданном, неразрушенном виде. Так я созерцал **священные камни Европы** и прикасался к ним...* (<http://www.kluchnikov.ru>).

2) *Я подумал: кем был этот человек, если не упущенной возможностью самого себя? И вообразил себе бедного старого книгочея странником, идущим на закат. Как он, гонимый тоской по мировой культуре, бредёт с шенгенской визой мимо ристалищ и капищ, мимо храмов и баров, спотыкаясь о **священные камни Европы...** в поисках утраченного времени* (<http://www.vestnik57.ru>).

3) *Удивительно, но сегодняшняя Чехия, чьи города вымощены «**священными камнями Европы**», тоже испытывает свой кризис либерализма. В политической жизни, как говорят сами чехи, преобладают разочарование и равнодушие* (<http://www.povaygazeta.spb.ru>).

📖 Дискурсивное пространство русской литературы.

Предположительно выражение восходит к романам Ф.М. Достоевского «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1879). В «Подростке» Версилов говорит: «Русскому Европа так же драгоценна, как Россия: каждый камень в ней мил и дорог. Европа так же точно была отечеством нашим, как и Россия. О, русским дороги эти старые чужие камни, эти чудеса старого божьего мира, эти осколки святых чудес; и даже нам дороже, чем им самим!»

↔ Концепт «Европа».

📖 Языковая память поддерживается знанием произведений Ф.М. Достоевского [16].

Теоретически каждый акт заимствования на когнитивном уровне сопряжен с востребованностью той или иной единицы для языковой картины мира коммуникантов, с актуализацией ценностно-культурной значимости единицы для данного лингвокультурного сообщества. Данная мысль находит отражение как в работах философов языка Й.Л. Вайсгербера [17] и В. Гумбольдта [18], так и в работах теоретиков фразеологии, например, Д.О. Добровольского [19; 20], А.М. Мелеровича [21], В.М. Мокиенко [22], М. Янковичевой [23]. С подобных позиций действительно актуальными оказываются фразеологические единицы, в основе которых лежит инокультурный образ, «заряженный» определенной оценкой «чужого» культурного пространства, как правило, косвенно соотносимого со «своим». Сравним с контекстным употреблением единицы *увидеть Париж и умереть*: *Я стояла и смотрела с высоты 320 метров на Париж. Теперь я действительно поняла, что значит увидеть Париж и умереть. Вот это счастье!* (www.modvlad.ru). Источником формирования подобного варианта функционирования выражения становится положительное представление о происходящем на «другой стороне». В то же время сопоставление инокультурного образа Парижа с русскими реалиями приводит к порождению шуточного выражения *Подумаешь, увидел Париж и умер — попробуй увидеть Москву и прописаться!* (в материалах наших испытуемых встречается 1 употребление).

Взаимопроникновение «своих» и «чужих» географических образов отмечается в окказиональном выражении *из Киева в Чернигов через Рио-де-Жанейро* (1 употребление), указывающем, по всей видимости, на длительное преодоление кем-либо короткого расстояния.

Научная новизна результатов, отраженных в данной статье, заключается в том, что впервые: 1) в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию категории «Свое / Чужое» во фразеологии применен метод корреляционного анализа; 2) определены когнитивно-дискурсивные критерии видения и понимания семантической структуры фразеологических единиц — вербализаторов оппозиции «Свое / Чужое»; 3) выявлены закономерности интеграции заимствованного во фразеологическом фрагменте национальной языковой картины мира.

Заключение

Таким образом, фразеологическая вербализация тех или иных культурных образов зависит от степени ценности и значимости данного образа для картины мира членов лингвокультурного сообщества. Не все инокультурные образы адекватно воспринимаются носителями русского языка, а потому не всегда отмечается активная реализация в речи некоторых кодифицированных фразеологических единиц. Состояние современной русской речи отражают единицы, в значении которых содержится оценка «чужого» культурного пространства, соотносимого с универсальными и актуальными фактами русской действительности.

Бинарная модель мира не только общая для человека психологическая черта, но и отличительная черта современной культурной парадигмы. Вершиной сложной модели оппозиций, пронизывающих человеческое сознание и находящих выражение в языке, является глобальное членение на «свою» и «чужую» культуру.

С лингвокультурных позиций важен, прежде всего, образ «чужой» культуры в зеркале «своей», ибо в другой культуре внимание обращается на нечто непривычное и подвергается это языковой рефлексии. Так «чужое» начинает жизнь в «своем» культурном, а затем и в языковом пространстве. Проекция лингвокультурных маркеров «своего» и «чужого» на фразеологическую систему русского языка открывает перспективы выявления механизмов объективации проведенных культурой ментальных границ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Бахтин М.М.* Проблемы речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. С. 34—57.
- [2] *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
- [3] *Пеньковский А.Б.* Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 406 с.
- [4] *Серебренникова А.Н.* Диалектное слово с семантикой «свойственности» — «чуждости»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2004.
- [5] *Петроченко М.Н.* Семантический компонент «свой» / «чужой» в фольклорном и диалектном бытовом тексте: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 227 с.
- [6] *Выходцева И.С.* Концепт «Свой — Чужой» в советской словесной культуре (20—30-е гг.): дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 187 с.
- [7] *Рахимбергенова М.Х.* Лингвокогнитивные стратегии отражения образа этнически «чужого» в российской прессе: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 192 с.
- [8] *Скрыльникова А.Ю.* Категориальная и лингвокультурологическая сущность чуждости в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Липецк, 2008. 293 с.
- [9] *Брагина А.А.* Чужое-свое (от заимствования к словотворчеству) // Грамматика и норма. М.: Наука, 1977. 315 с.
- [10] *Кашкин В.Б.* Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. 2. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 49—62.
- [11] *Гришаева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Академия, 2006. 336 с.
- [12] *Золотых Л.Г.* Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007. 265 с.
- [13] *Алиева Н.Н.* Лингвокультурология, межкультурная коммуникация и кросскультурная лингвистика. URL: http://www.rusnauka.com /8_NPE_2007 /Philologia/19454.doc.htm
- [14] *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007. 926 с.
- [15] *Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2000. 624 с.
- [16] Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Авт.-сост. В. Серов. М.: Изд-во Локид-Пресс, 2005. 880 с.
- [17] *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. М.: Изд-во Московского ун-та, 1993. 223 с.
- [18] *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
- [19] *Добровольский Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37—48.
- [20] *Добровольский Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии (II) // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 48—58.
- [21] *Мелерович А.М.* Факторы, мотивирующие смысловое содержание фразеологизмов в тексте // Культурные аспекты в языке и тексте: сб. научн. тр. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. С. 127—135.

- [22] Мокшенко В.М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 3–13.
[23] Янковичова М. Свое и чужое во фразеологии языка: проблемы определения / М. Янковичова // *Rossica Olomucensia XXXVIII*. Olomouc, 2000. Č. 2. S. 453–459.

© Лаптева М.Л., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.12.2016

Дата принятия к печати: 25.01.2017

Для цитирования:

Лаптева М.Л. Особенности восприятия инокультурных образов носителями русского языка (на фразеологическом материале) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2017. Т. 15. № 2. С. 137–151.

Сведения об авторе:

Лаптева Мария Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет». *Сфера научных интересов*: лексикология, фразеология, лингвокультурология, когнитивная лингвистика. Автор более 130 научных публикаций. *Контактная информация*: hohlina2004@yandex.ru

PECULIARITY OF PERCEPTION OF FOREIGN IMAGE BY NATIVE RUSSIAN SPEAKERS (BASED ON SET EXPRESSIONS)

M.L. Lapteva

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Astrakhan State University”
Tatishcheva str., 20a, Astrakhan, Russia, 414056

The relevance of the article is defined by the insufficient knowledge on the modern stage of development of linguistic thought for foreign images that can be representative for language consciousness of native Russian speakers.

The purpose of this article is to identify cultural and linguistic potential of different groups of set expressions and to conduct a cross-cultural analysis of the perception of “alien” in the fragment of the national language picture of the world. The material for present research is based on set expressions that differ on the phraseological level by cognitive-discursive relations with foreign reality and that include a “foreign” component on the level of formal structure (*Proletet kak fanera nad Parizhem/miss an opportunity, v Grezii est vse/It is an abundant place ed etc.*).

However, from the point of view of its activity and use frequency submitted material of set expressions is not always reflects the real communicative and pragmatic situation. The above cross-cultural analysis revealed trends of acculturation of “alien” in the Russian language consciousness. Phraseological verbalization of certain cultural images depends on its value and significance for the picture of the world

of members of the language and cultural community. Not all foreign images are fairly perceived by the native Russian speakers and therefore active realization of some codified set expressions is not always observed.

Key words: foreign set expression, foreign image, cross-cultural analysis, category “own” / “alien”

REFERENCES

- [1] Bahtin M.M. *Problemyi rechevyyh zhanrov* // Literaturno-kriticheskie statii. M.: Hud. lit., 1986. S. 34—57 (In Russ.)
- [2] Krasnyih V.V. «Svoy» sredi «chuzhikh»: Mif ili realnost? M.: Gnozis, 2003. 375 s. (In Russ.)
- [3] Penkovskiy A.B. *Ocherki po russkoy semantike*. M.: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 2004. 406 s. (In Russ.)
- [4] Serebrennikova A.N. *Dialektnoe slovo s semantikoy «svoystvennosti» — «chuzhdosti»: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2004. (In Russ.)*
- [5] Petrochenko M.N. *Semanticheskii komponent «svoiy» / «chuzhoiy» v folklornom i dialektnom bytovom tekstah: diss. ... kand. filol. nauk. Tomsk, 2005. 227 s. (In Russ.)*
- [6] Vyihodtseva I.S. *Kontsept «Svoy — Chuzhoiy» v sovetskoy slovesnoy kulture (20—30-e gg.): diss. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2006. 187 s. (In Russ.)*
- [7] Rahimbergenova M.H. *Lingvokognitivnyie strategii otrazheniya obraza etnicheski «chuzhogo» v rossijskoy presse: diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2008. 192 s. (In Russ.)*
- [8] Skryilnikova A.Yu. *Kategorialnaya i lingvokulturologicheskaya suschnost chuzhdosti v russkom yazyike: diss. ... kand. filol. nauk. Lipetsk, 2008. 293 s. (In Russ.)*
- [9] Bragina A.A. *Chuzhoe-svo Yo (ot zaimstvovaniya k slovtvorchestvu) // Grammatika i norma. M., 1977. 315 s. (In Russ.)*
- [10] Kashkin V.B. Markeryi svoego i chuzhogo v mezhkulturnom dialoge // Vzaimoponimanie v dialoge kultur: usloviya uspehnosti. Chast 2. Voronezh: VGU, 2004. S. 49—62. (In Russ.)
- [11] Grishaeva L.I., Tsurikova L.V. *Vvedenie v teoriyu mezhkulturnoy kommunikatsii. M.: Akademiya, 2006. 336 s. (In Russ.)*
- [12] Zolotyih L.G. *Kognitivno-diskursivnyie osnovyi frazeologicheskoy semantiki: monografiya. Astrahan: ID «Astrahanskiy universitet», 2007. 265 s. (In Russ.)*
- [13] Alieva N.N. *Lingvokulturologiya, mezhkulturnaya kommunikatsiya i krosskulturnaya lingvistika // Rezhim dostupa: ttp://www.rusnauka.com/8._NPE_2007/Philologia/19454.doc.htm. (In Russ.)*
- [14] Biri A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar. M.: Astrel: AST: Lyuks, 2007. 926 s. (In Russ.)*
- [15] Berkov V.P., Mokienko V.M., Shulezhkova S.G. *Bolshoy slovar krylatyih slov russkogo yazyika. M.: Russkie slovari, Astrel, AST, 2000. 624 s. (In Russ.)*
- [16] *Entsiklopedicheskiy slovar krylatyih slov i vyrazheniy / avt.-sost. V. Serov. M.: Izd-vo Lokid-Press, 2005. 880 s. (In Russ.)*
- [17] Vaysgerber Y.L. *Rodnoy yazyik i formirovanie duha. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1993. 223 s. (In Russ.)*
- [18] Gumboldt V. *Yazyik i filosofiya kulturyi / V. fon Gumboldt. M.: Progress, 1985. 451 s. (In Russ.)*
- [19] Dobrovolskiy D.O. *Natsionalno-kulturnaya spetsifika vo frazeologii (I) // Voprosyi yazyikoznaniya. 1997. № 6. S. 37—48. (In Russ.)*
- [20] Dobrovolskiy D.O. *Natsionalno-kulturnaya spetsifika vo frazeologii (II) // Voprosyi yazyikoznaniya. 1998. № 6. S. 48—58. (In Russ.)*
- [21] Melerovich A.M. *Faktoryi, motiviruyuschie smyslovoe sodержanie frazeologizmov v tekste // Kulturnyie aspektyi v yazyike i tekste : sb. nauch. tr. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2005. S. 127—135. (In Russ.)*
- [22] Mokienko V.M. *Ideografiya i istoriko-etimologicheskii analiz frazeologii // Voprosyi yazyikoznaniya. 1995. № 4. S. 3—13. (In Russ.)*
- [23] Yankovichova M. *SvoYo i chuzhoe vo frazeologii yazyika: problemyi opredeleniya / M. Yankovichova // Rossica Olomucensia XXXVIII. Olomouc, 2000. (In Russ.)*

Article history:

Received: 15.12.2016

Accepted: 25.01.2017

For citation:

Lapteva M.L. (2017) Peculiarity of perception of foreign image by native Russian speakers (based on set expressions). *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (2), 137–151.

Bio Note:

Lapteva Mariya Leonidovna, Doctor of Philology, Professor of Modern Russian language department of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Astrakhan State University”. *Research interests*: lexicology, phraseology, cultural linguistics, cognitive linguistics. Author of over 130 scientific publications. *Contact information*: hohlina2004@yandex.ru